

Анна Николаевна ТАРАСОВА¹
Екатерина Александровна КОСТРОВА²

УДК 316.472.4

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МЕХАНИЗМ ВКЛЮЧЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ В ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ*

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) a.n.tarasova@urfu.ru; ORCID: 0000-0002-9448-2893

² студентка направления «Публичная политика», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) kostrovaekaterina1504@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию роли социальных сетей в развитии территории через включение отдельных людей в социальные сообщества, оказывающие влияние на социально-экономическое, социокультурное развитие городов и регионов. Под социальной сетью в работе понимается структура социальных связей и взаимоотношений между людьми, основанная на уважении, общих интересах и взаимопомощи. Статья раскрывает некоторые взаимосвязи между показателями социальной сети (как структуры взаимодействия между людьми) и условиями жизни (как характеристиками уровня развития территории), а также показывает, через какие социальные связи чаще всего осуществляется включение человека в практики социального участия,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00471А).

Цитирование: Тарасова А. Н. Социальные сети как механизм включения жителей в практики социального участия для развития территории / А. Н. Тарасова, Е. А. Кострова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 69-84.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

способствующие развитию территории. Для решения поставленных задач задействованы метод корреляционного анализа открытой базы данных аналитического центра Legatum Institute и анализ социальных графов, построенных на основе данных социальной сети «ВКонтакте». Обнаруживаются слабо-умеренные, но статистически значимые связи между показателями территориального развития и индикаторами, определяющими качество социальной сети (уровень уважения, общность интересов и помощь другим). В результате исследования выявлен механизм разнонаправленных взаимосвязей социальных сетей и условий жизни, за счет которого может обеспечиваться территориальное развитие даже в ситуациях кризиса и экономической нестабильности. Анализ социальных графов показал, что социальная сеть очень сильно отличается у людей социально активных и социально пассивных по количеству социальных связей, по числу социальных общностей, в которые они включены, по типу этих общностей. Сделан важный вывод о том, что вуз чаще способствует включению в практики социального участия именно за счет развития новых связей в социальной сети. А вот школа этому мало способствует. Также отмечается сравнительно низкий уровень включения молодежи в деятельность территориальных сообществ (ТСЖ, дворовых, домовых, городских сообществ и т. п.), что требует дальнейшего более детального изучения.

Ключевые слова

Социальная сеть, социальные связи, социальные сообщества, местные сообщества, социальные графы, социальное участие, социальная активность, развитие территорий.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

Введение

В представленной работе «социальная сеть» трактуется не в обыденном понимании, как онлайн-платформа для общения, а более широко — как структура социальных связей и взаимоотношений между людьми, основанная на уважении, общих интересах и взаимопомощи. Участие в различных культурных мероприятиях города, субботниках по уборке территории и прочее не реализуется в одиночку. Именно поэтому важна роль социальных сообществ (узлов социальной сети), позволяющих аккумулировать усилия многих людей для обеспечения устойчивого социально-экономического и культурного развития города. Неспроста среди исследователей даже появился термин «умные сообщества» [11], который как раз развивает концепцию вклада социальных сообществ в развитие территории (города, региона). В эпоху цифровизации данная тема актуализируется и привлекает внимание исследователей тем, что именно социальные сети, в которых осуществляется социальное взаимодействие, способны оказывать значимое влияние на развитие города и региона. Практическая значимость работы заключается в поиске возможностей использования потенциала социальных сообществ для развития территорий, определения возможных технологий присоединения отдельных людей к значимым для территориального развития сообществам.

Цель данной исследовательской работы — выделить особенности использования социальных сетей (как структуры взаимодействия между людьми) в развитии территории и обозначить механизмы присоединения отдельных людей к социальным сообществам, вносящим значимый вклад в культурное и социально-экономическое развитие города/региона. Для достижения поставленной цели определено две ключевых задачи:

- 1) выявить существующие взаимосвязи между качеством социальных сетей и социально-экономическим развитием территорий, одним из последствий которого является улучшение условий жизни населения;
- 2) определить, через какие социальные общности человек включается в новые для него социальные структуры, способствующие социокультурному и социоэкономическому развитию территории.

Первая задача реализована посредством корреляционного анализа открытой базы данных индикаторов индекса процветания стран мира [2]. Достижение второй задачи осуществлялось с помощью метода анализа социальных графов.

Теоретическая основа исследования

Теоретические рамки исследования заданы концепцией социальной сети как элемента социального капитала и исследованиями роли социальной сети в территориальном развитии. Многие современные авторы рассматривают социальную сеть как онлайн-платформу, что является логичным в современную эпоху широкого распространения сети Интернет. Но в данном исследовании понятие «социальная сеть» трактуется более широко, как структура социальных связей и взаимоотношений между людьми, основанная на уважении, общих интересах и взаимопомощи. При этом учитывается, что Интернет оказывает определенное влияние на развитие социальных сетей и сообществ в них.

Как отмечают М. М. Хайкин и А. Б. Крутик, одним из способов существования социальной сети в настоящее время является Интернет, именно в нем происходит зарождение новых сообществ [9, с. 86]. При этом виртуальные социальные отношения способны переходить в реальную жизнь и наоборот. Таким образом, сообщества, зародившиеся в сети Интернет, могут становиться реальными и влиять на общество [6]. В своей статье В. А. Сергодеев показывает, что развитие Интернета и появление в нем виртуальных сообществ приводит к тому, что комьюнити начинают рассматривать не как территориальные общности, а как сети социальных отношений, при этом сообщество рассматривается как объединение людей, которые находятся во взаимодействии друг с другом на основе общих целей и интересов [7]. Такой подход популярен среди исследователей и сейчас [8].

Изучая местные сообщества, С. А. Мартышкин, Д. В. Прохоров и В. М. Цлаф выделяют главное, что объединяет местные сообщества. И это не совместная территория, а общие интересы, но так как участники данных сообществ живут на одной территории, то у них так или иначе появляются интересы, связанные с их местом жительства, общей территорией [1, с. 47]. Данные авторы считают,

что сообщества имеют большой потенциал в развитии экономического и социокультурного пространства городов/регионов/стран посредством реализации различных программ, идей, проектов в рамках своих интересов, но также влияющих на улучшение условий жизни населения в целом, причем деятельность таких сообществ чаще всего осуществляется на безвозмездной основе [1]. Таким образом, сообщества имеют большой потенциал в развитии пространства территории, они могут более эффективно выражать свои интересы, чем отдельные люди, и в целом развитие городов в принципе невозможно без местных сообществ.

Местные сообщества также рассматриваются с точки зрения привлечения ресурсов для реализации различных проектов развития территорий. В работе А. А. Чернеги показано, что особенно это важно для маленьких городов и сельских поселений, жизнь которых напрямую зависит от активности местных сообществ, способных привлечь ресурсы извне с помощью различных инструментов: инициативного бюджетирования, проектно-грантовой деятельности, локального инвестирования, информационной и PR-деятельности в социальных сетях, конструирования туристических достопримечательностей [10]. Таким образом, данные сообщества, реализуя свои интересы, на которые им необходимо привлечение ресурсов, будут напрямую влиять на развитие экономического и социокультурного пространства территорий, на которых они проживают.

Поскольку социальные сети — это один из элементов социального капитала, то в отдельный блок можно выделить исследования, в которых изучается именно роль социального капитала в развитии территорий. Так, М. М. Хайкин и А. Б. Крутик представляют социальный капитал как качество социальных отношений, определяемое уровнем доверия, способностью прийти на помощь, уровнем включенности людей в социальные отношения, и показывают, что без роста социального капитала невозможно развитие городов [9].

Дополнительный аспект, рассматриваемый в работе, — это проявляемая самими людьми социальная активность или пассивность по отношению к своему региону. Понятия «социальное участие», «социальная активность», «потенциальное участие» детально разобраны в работах М. В. Певной [3-5].

Таким образом, все авторы отмечают, что социальные сети (как структуры взаимодействия между людьми) способствуют развитию территории (через совместную деятельность, инициацию новых проектов, привлечение ресурсов и др.). Отмечается, что местные сообщества, сформированные на основе общности интересов, способствуют улучшению качества жизни населения. Но при относительно большом числе работ по данной проблематике ощущается дефицит исследований, которые бы раскрывали механизм включения отдельных людей в сообщества, вносящие вклад в развитие территории через привлечение к различным практикам социального участия.

Методология исследования

В данной статье объединены в единое целое результаты двух разных исследований, раскрывающих принципиально разные аспекты социальных сетей как

механизма включения жителей в практики социального участия для развития территории. Первое — это статистический анализ показателей по странам, позволяющий проверить наличие взаимосвязи между качеством социальных сетей и условиями жизни городской среды. Второе — это изучение социальной сети отдельных людей (взяты молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет), чтобы понять, как меняются характеристики сети в зависимости от уровня включенности в практики социального участия для развития территории (взято 3 группы: социально активные, потенциально активные и пассивные). Соответственно для каждого из исследований использовались свои методы — это корреляционный анализ и анализ социальных графов.

Корреляционный анализ осуществляется на основе панельных данных, собранных лондонским аналитическим центром Legatum Institute по 167 странам мира за последние 14 лет: с 2007 по 2020 г. В целом база состоит из 12 элементов, включающих 66 различных показателей, измеряемых почти по 300 отдельным индикаторам [2]. Благодаря большому числу наблюдений по годам и странам корреляционный анализ покажет объективные и достоверные связи, позволит определить динамику развития социальных сетей и условий жизни, а также сопоставить по странам. Оценка качества социальных сетей (Social Networks) в нашем исследовании определяется тремя индикаторами: уровнем уважения, общности интересов и помощи другим (в базе это соответствующие индексы), и измеряется в баллах от 0 до 100. Показатель «условия жизни» (Living Conditions) также измеряется в баллах от 0 до 100 и определяется такими индикаторами, как доступ к различным услугам (услугам водоснабжения и чистой воде, электричеству, мобильной связи, дорогам и др.), возможности их получения и удовлетворенность качеством этих услуг.

Вторым методом, используемым в данной работе, стал анализ социальных графов, проведенный с помощью Jupyter Notebook¹ и Gephi². На основе страничек в социальной сети «ВКонтакте» были построены схемы социальных графов для 30 человек примерно одного и того же возраста (18-25 лет) и социального положения, в том числе 10 социально активных человек, 10 потенциально активных и 10 пассивных. Отбор целевой по возрасту и уровню активности. Под социально активными людьми принимались те, кто систематически принимает участие в какой-либо общественной деятельности, влияющей на развитие территорий. За потенциально активных взяты те, кто, во-первых, выражает готовность к социальному участию, во-вторых, когда-либо принимал такое участие, но разовое, а не систематическое. К пассивным отнесены те, кто практически не принимал участия в какой-либо деятельности, влияющей на развитие территории, и выражает неготовность к такому участию. Выборка целевая. Анализ

¹ Jupyter Notebook — это веб-приложение с открытым исходным кодом, которое позволяет очищать и перерабатывать данные, осуществлять числовое и статистическое моделирование, визуализировать данные и многое другое.

² Gephi — это пакет программного обеспечения с открытым исходным кодом для визуализации и анализа связанных данных.

социальных графов проводился на предмет того, каким образом человек включается в новые для него социальные структуры, относящиеся к волонтерским, добровольческим или другим общественно-полезным сообществам, влияющим на социокультурное развитие территорий. В данной работе представлены лишь некоторые из составленных социальных графов, наиболее четко отражающих выделенные особенности, так как все показать здесь нет возможности из-за ограниченного объема.

Результаты

Прежде всего рассмотрим динамику качества социальных сетей с 2007 по 2020 г. в России в сравнении с Польшей (Польша за основу для сравнения взята, поскольку уровень социального доверия в этой стране наиболее близок к уровню в России¹). На представленном графике (см. рис. 1) виден постепенный равномерный рост показателя в России: она еще немного отстает от Польши, но, в отличие от 2007 г., в 2020 г. этот разрыв становится минимальным. За прошедшие годы Россия переместилась со 137-го на 108-е место в мировом рейтинге.

За этот же период по показателю «условия жизни» Россия изменила свой рейтинг с 65-го на 58-е место. На рис. 2 представлена динамика этого показателя. Можно увидеть, что наблюдается медленный постепенный рост в обеих странах, но всё же качество условий жизни в России остается ниже, чем в Польше.

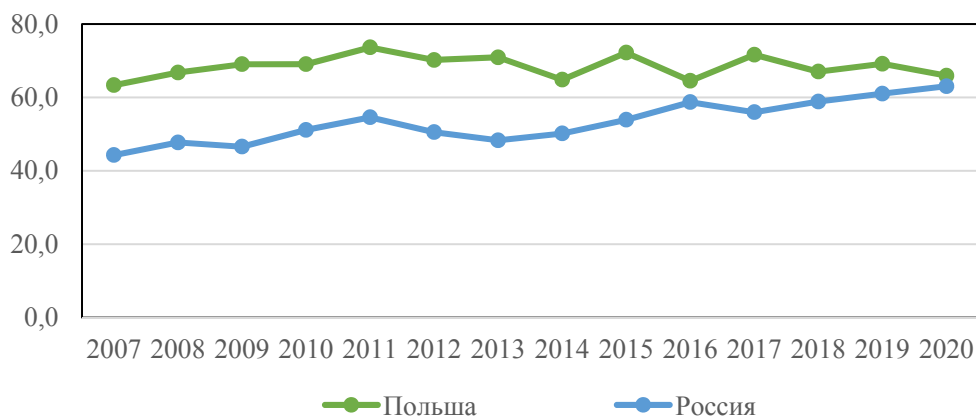

Рис. 1. Динамика балльной оценки качества социальных сетей (Social Networks) в России и Польше

Источник: построено автором на основе данных открытой базы LEGATUM PROSPERITY INDEX.

Fig. 1. Dynamics of score assessment of social networks quality in Russia and Poland

Source: compiled by the author, based on data from an open database LEGATUM PROSPERITY INDEX.

¹ См., например, World Values Survey Wave 1 to 6 Key Aggregates, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

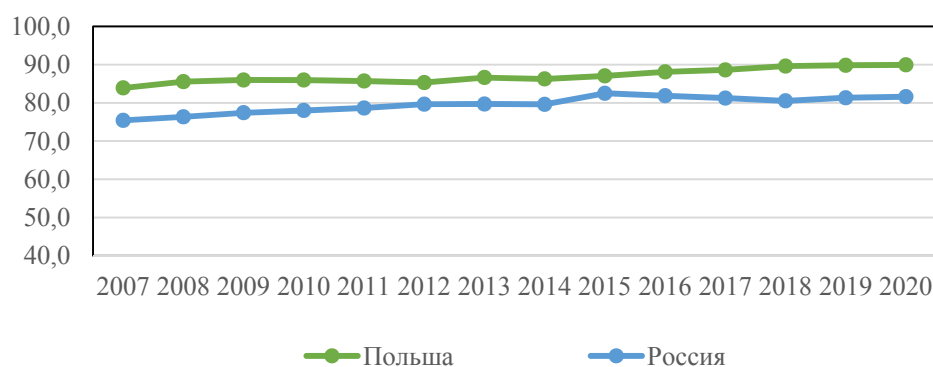

Рис. 2. Динамика балльной оценки условий жизни населения в России и Польше
Источник: построено автором на основе данных открытой базы LEGATUM PROSPERITY INDEX.

Fig. 2. Dynamics of the score assessment of the population's living conditions in Russia and Poland
Source: compiled by the author, based on data from an open database LEGATUM PROSPERITY INDEX.

Анализируя взаимосвязи между данными показателями и их составными индикаторами, можно отметить, что такие составляющие условий жизни, как доступ к различного рода услугам, удовлетворенность качеством жилья, качеством дорог имеют хоть и не сильные (коэффициент корреляции Пирсона на уровне 0,3-0,4), но статистически максимально значимые связи (ошибка менее 0,001) с качеством социальных сетей (уровнем уважения, общности интересов и помощи другим). Учитывая влияние огромного количества других факторов на эти показатели, такая сила связи между условиями жизни населения и социальными сетями может считаться весьма существенной. При этом следует отметить разнонаправленность связей между отдельными индексами, составляющими показатель «социальные сети», и показателем условий жизни. Отмечается наличие прямых связей с индикаторами «уровень уважения» и «общность интересов», но при этом обратная связь с индикатором «помощь другим», т. е. рост качества жизни сопровождается ростом уважения и общности интересов в социальных сообществах, но при этом снижением помощи другим. И наоборот, при снижении качества жизни отмечается рост помощи другим, но уважение и общность интересов уменьшаются. Можно предположить, что именно благодаря такому противоречивому механизму взаимосвязей социальных сетей и условий жизни может обеспечиваться территориальное развитие даже в ситуациях кризиса и экономической нестабильности, когда помощь другим возрастает даже при наличии разрыва общности интересов. Например, в ситуации пандемии уровень социальной активности в направлении помощи другим возрос, что помогает преодолевать существующие трудности. Но требуются дальнейшие более детальные исследования этого механизма.

Таким образом, включенность в социальные сообщества и развитие социальных сетей в России идет достаточно быстрыми темпами. Доказано наличие статистически значимой связи между индикаторами, определяющими качество социальной сети (уровень уважения, общность интересов и помощь другим) и показателями территориального развития. Далее проведем анализ социальных графов отдельных людей, сравнив схемы социально активных людей (систематически принимающих участие в какой-либо общественной деятельности, влияющей на развитие территорий), потенциально активных (участие разовое, но имеется готовность к участию) и пассивных (характеризуются отсутствием готовности к участию в разного рода активностях по развитию территории).

На рисунках ниже визуализированы социальные графы разных людей, где каждый цвет обозначает отдельный кластер (социальную общность), в которую включен человек. Следует отметить, что кластеры выделяла программа, причем у каждого человека выделялись (и произвольно раскрашивались в разные цвета) свои специфические социальные общности, в которые он включен (например, у отдельных людей родственники и друзья были как один кластер, а у кого-то даже родственники могли быть разделены на два). Респонденты объясняли, что за люди попали в один кластер, таким образом эти социальные общности в исследовании идентифицировались. При этом некоторые единичные кластеры идентифицировать не удалось, т. к. даже сам респондент не смог объяснить, по какому принципу программа собрала этих людей в одну социальную общность. Достаточно хорошо идентифицировались кластеры «школа» (одноклассники, учителя, школьные товарищи), «вуз» (знакомства из вуза: преподаватели, соскурсники, знакомые из студсовета и др.), «родственники», «коллеги по работе». Хуже — некие «производные» кластеры, связанные с включенностью прежде в какие-то проекты (знакомства типа «вместе участвовали на молодежном форуме», «знакомые по работе в молодежном правительстве» и т. п.). Задача исследования состояла не в том, чтобы полностью идентифицировать все кластеры, а в том, чтобы изучить конфигурацию этих сетей — количество социальных общностей и социальных связей, основные кластеры.

Для схем социально активных людей (рис. 3) характерно: 1) огромное количество социальных связей, 2) социально активные люди включены не менее чем в 6 и более социальных групп (в среднем 8-9), 3) причем как минимум одна — это общность вне ближнего окружения (к ближнему окружению относятся родственники, коллеги по работе, друзья, одноклассники, одноклассники и т. п.).

У потенциально активных людей обычно количество связей и общностей меньше, чем у социально активных людей, и они включены не более чем в 5-7 социальных общностей (рис. 4).

Но здесь не всё однозначно. Например, на схеме слева на рис. 4 отмечается большое число социальных связей, но даже при увеличенном числе контактов все они ограничены общностями ближнего окружения (друзья, школа, родственники, институт). Данная схема построена для человека, сменившего недавно место жительства при поступлении в вуз, поэтому видно, что социальные связи

института (на схеме этот кластер обозначен голубым) несколько изолированы от остальных. А вот остальные кластеры, в которые человек был включен ранее, тесно взаимосвязаны друг с другом, что более характерно для социально активных людей. Однако переезд в другой город отграничивает их, делая таким образом мало приемлемыми для вовлечения человека в различного рода социаль-

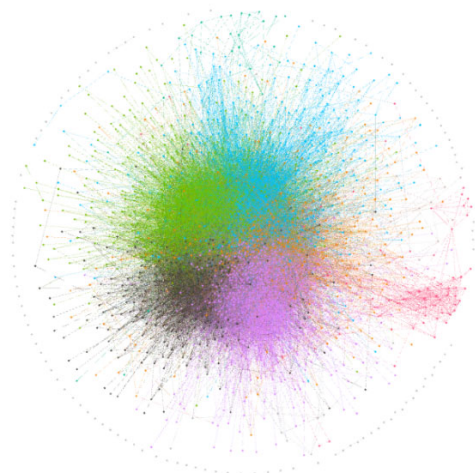

Рис. 3. Пример схем социальных связей социально активных людей

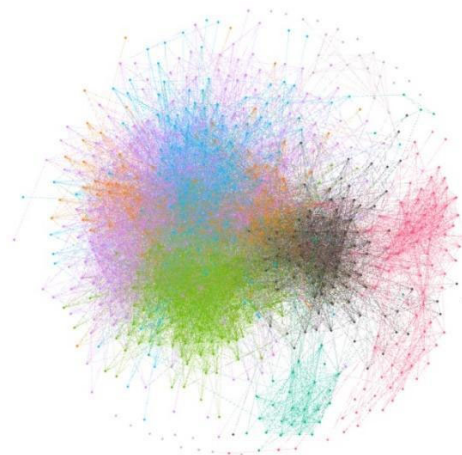

Fig. 3. An example of schemes representing social connections of socially active people

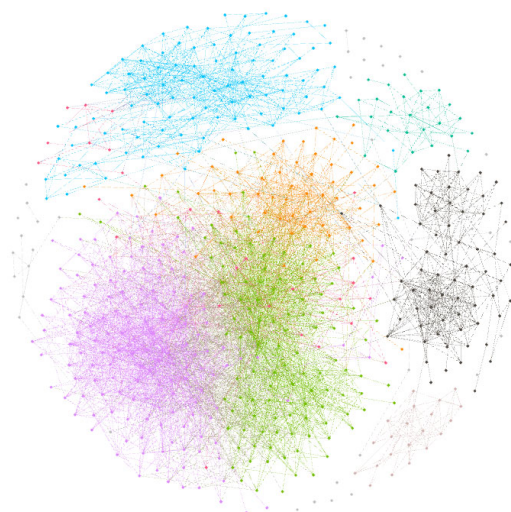

Рис. 4. Пример схем социальных связей потенциально активных людей

Fig. 4. An example of schemes representing social connections of potentially active people

ные активности. Вместе с тем, учитывая динамику накопления социальных связей в вузе, есть все основания полагать, что данный человек уже в ближайшем будущем сможет выйти на новую социальную общность вне ближнего круга и начнет систематически участвовать в какой-либо общественно-полезной деятельности на благо города.

В исследовании М. В. Певной отмечается, что доля тех, кто не участвует и не готов к социальному участию, согласно опросу, проведенному среди студенческой молодежи Свердловской области, составляет 36% (т. е. чуть более трети всех студентов) [4, с. 49]. В нашем исследовании при анализе социальных графов таких социально пассивных людей было отмечено, что такие люди включены в среднем в 3-5 социальных общностей, количество социальных связей у них гораздо меньше, чем у активных и потенциально активных людей, при этом все выделенные кластеры (социальные общности) имеют пересечение по ограниченному числу контактов, либо вообще их не имеют (см. рис. 5).

Рассматривая, через какие социальные общности происходит выход на новые социальные связи, можно сделать вывод, что родственники и школа в большинстве случаев являются относительно изолированными кластерами (в том числе и у социально активных и потенциально активных). Например, это отчетливо видно в схеме социальных связей социально активного человека на рис. 6, где школа обозначена оранжевым цветом, а кластер родственников в целом отсутствует. Чаще всего инициирует выход «на новый уровень» и включение в социальную активность именно вуз, выступая связующим звеном с новыми социальными общностями. Например, на том же рис. 6 институт выделен голубым цветом, и мы видим, что через него осуществлена связь с несколькими общественными и общественно-политическими организациями, осуществляющими регулярное привлечение человека к различным социально значимым проектам, в том числе и по территориальному развитию.

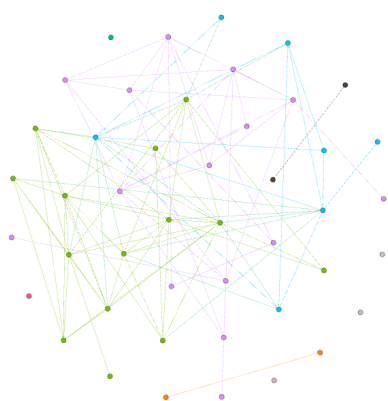

Рис. 5. Пример схем социальных связей социально пассивных людей

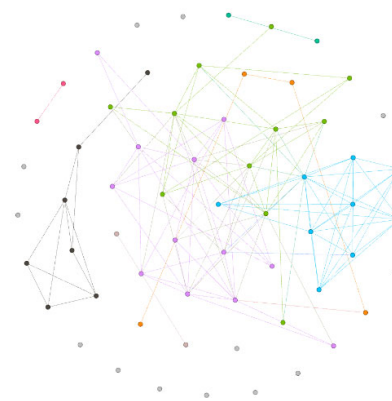

Fig. 5. An example of schemes representing social connections of socially passive people

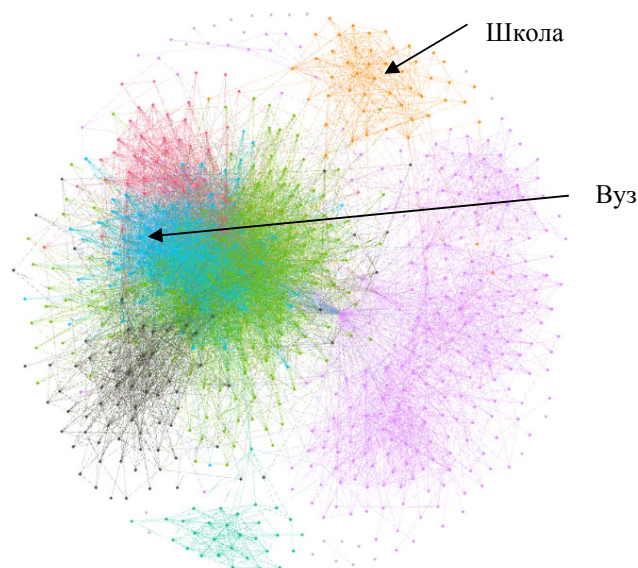

Рис. 6. Место школы и вуза в схеме социальных связей социально активного человека

Fig. 6. Place of school and university in a scheme of social relations of a socially active person

Вероятно, это связано с тем, что школа привлекает к различным проектам, но не дает возможности установить взаимодействие (социальные связи) с другими организациями, что ограничивает социальную активность учащихся только проектами самой школы. При отсутствии интереса к этим проектам закладывается неготовность к социальному участию в дальнейшем. Университеты же ориентированы на то, чтобы «связать» студентов с другими организациями — НКО, общественными организациями, органами власти, коммерческими организациями и др., что расширяет возможности (как и спектр возможных направлений) социального участия молодых людей и формирует основу для их долгосрочного и регулярного включения.

Также следует отметить, что чем активнее начинают формироваться социальные связи вне ближнего окружения, тем быстрее человек начинает включаться во всё новые и новые социальные общности (идет активное наращивание социального капитала). Кроме вузов значима роль общественных организаций, также активно помогающих формированию социальных связей и включению молодежи в значимую для развития территории социальную активность.

Еще одним значимым результатом исследования стало то, что была отмечена минимальная включенность молодежи в различные территориальные общности: сообщество горожан, ТСЖ, дворовые сообщества и т. д. Но учитывая, что метод построения социальных графов использовался для ограниченной выборки в 30 человек, можно это выделить лишь как вопрос, требующий более детального изучения, а не как достоверный вывод исследования.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие социальных сетей в России идет гораздо быстрее, чем повышение качества условий жизни, но радует положительная динамика. Исследование показало, что связь между качеством социальных сетей и условиями жизни населения действительно существует. Местные сообщества, образованные на общности интересов, способны оказывать значимое влияние на развитие территорий. В результате исследования выявлен механизм разнонаправленных взаимосвязей социальных сетей и условий жизни, за счет которого обеспечивается территориальное развитие даже в ситуациях кризиса и экономической нестабильности. Но требуются дальнейшие более детальные исследования этого механизма.

Исследование показало, что социальные сети (как структура социальных связей и взаимоотношений между людьми) очень сильно отличаются у людей социально активных и социально пассивных по количеству социальных связей, по числу социальных общностей, в которые они включены, по типу этих общностей. Сделан вывод о том, что школа не способствует раскрытию потенциала социального участия, а вот вуз справляется с этой задачей значительно лучше именно за счет развития новых связей в социальной сети.

Интересно, что даже в условиях цифровизации большинство социальных связей — это связи с «ближним окружением» (родственниками, друзьями из школы, вуза и т. п.). Отмечено, что включенность в разного рода территориальные сообщества (ТСЖ, дворовые, домовые, городские сообщества и т. п.) не характерна для рассмотренной выборки молодежи (в том числе и социально активной), что требует дальнейшего более глубокого и детального изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мартышкин С. А. Местные сообщества как фактор социокультурного развития территории (на примере г. о. Самара) / С. А. Мартышкин, Д. В. Прохоров, В. М. Цлаф // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 45-50.
2. Официальный сайт LEGATUM PROSPERITY INDEX. URL: <https://www.prosperity.com/> (дата обращения: 05.03.2021).
3. Певная М. В. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт экономики и управления, Школа государственного управления и предпринимательства. Екатеринбург: Уральск, 2020. 244 с.
4. Певная М. В. Социальное участие студенчества России и Армении в социокультурном развитии городов / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, А. Н. Тарасова, Л. А. Асоян // Высшее образование в России. 2020. Том 29. № 7. С. 43-55. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-7-43-55

5. Певная М. В. Теоретическая концептуализация социального участия молодежи / М. В. Певная, А. А. Кузьминчук // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27-28 апреля 2020 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург: Уральский фед. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 33-36.
6. Селезнев Р. С. Социальные сети как феномен информационного общества и специфика социальных связей в их среде / Р. С. Селезнев, Е. И. Скрипак // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. С. 125-131.
7. Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики / В. А. Сергодеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1. С. 132-137.
8. Сетевые сообщества как акторы социальных инноваций и стейкхолдеры стратегического развития городов (дискуссия на «Форуме стратегов») // Публичная политика. 2019. Том 3. № 1-2. С. 192-215.
9. Хайкин М. М. Социальный капитал и социальные сети / М. М. Хайкин, А. Б. Крутик // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. № 1. С. 85-92.
10. Чернега А. А. «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) / А. А. Чернега // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 3. С. 51-77.
11. Чуланова З. К. «Умное сообщество» как новая парадигма управления социально-экономическим развитием / З. К. Чуланова // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф. (Вологда, 16-18 мая 2017 г.). Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2017. С. 319-323.

Anna N. TARASOVA¹

Ekaterina A. KOSTROVA²

UDC 316.472.4

**SOCIAL NETWORKS AS A MECHANISM FOR INCLUDING
RESIDENTS IN SOCIAL PARTICIPATION PRACTICES
OF TERRITORY DEVELOPMENT***

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Sociology and Public Administration,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)
a.n.tarasova@urfu.ru; ORCID 0000-0002-9448-2893

² Undergraduate Student of Public Policy,
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)
kostrovaekaterina1504@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the role of social networks in development of a territory through the inclusion of individuals in social communities that influence the socio-economic, socio-cultural development of cities and regions. A social network in the present article refers to the structure of social relations and relationships between people, based on respect, common interests and mutual assistance. The study reveals some interconnections between indicators of a given social network (as structures of interaction between people) and living conditions (as characteristics of the level of territory development), and also shows through which social connections a person is most often included in social participation practices that contribute to development of a territory. In the study authors used the

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research
(project no. 20-011-00471A).

Citation: Tarasova A. N., Kostrova E. A. 2021. "Social networks as a mechanism for including residents in social participation practices of territory development". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 7, no. 4 (28), pp. 69-84.
DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

method of correlation analysis of the open database of the “Legatum Institute” analytical center. Another method consists of analysis of social graphs based on data from the social networking service “Vkontakte”. Weak-moderate but statistically significant associations are found between indicators of territorial development and indicators that determine quality of a social network (level of respect, harmony of interests and assistance to others). The study revealed a mechanism of multidirectional relationships between social networks and living conditions. Through this mechanism, territorial development can be ensured even in situations of crisis and economic instability. Analysis of social graphs showed that social networks differ while being linked to people who are socially active and socially passive in the number of social connections, in the number of social communities in which they are included, in the type of these communities. An important conclusion was made that university more often promotes inclusion in social participation practices precisely through development of new connections in a social network. While school systems contribute little to this. There is also a relatively low level of inclusion of youth in activities of territorial communities (POA, courtyard, housing, city communities, etc.), which requires a further detailed study.

Keywords

Social network, social connections, social communities, local communities, social graphs, social participation, social activity, development of territories.

DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-69-84

REFERENCES

1. Martyshkin S. A., Prokhorov D. V., Tslaf V. M. 2015. “Local communities as a factor in socio-cultural development of a territory (based on an example of Samara)”. Omsk University Herald. Economics series, no. 3, pp. 45-50. [In Russian]
2. Legatum Institute. 2021. Official website “Legatum Prosperity Index”. Accessed on 5 March 2021. <https://www.prosperity.com/>
3. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Bystrova T. Yu. et al. 2020. “Social participation of youth in urban development: Methodological ideas, methodological approaches and experience in the study of constructive practices”. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University, Institute of Economics and Administration, School of State Administration and Entrepreneurship. Yekaterinburg: Uralsk. 244 pp. [In Russian]
4. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Tarasova A. N., Asoyan L. A. 2020. “Social participation of students of Russia and Armenia in socio-cultural development of cities”. Higher education in Russia, vol. 29, no. 7, pp. 43-55. DOI 10.31992/0869-3617-2020-29-7-43-55 [In Russian]
5. Pevnaya M. V., Kuz'minchuk A. A. 2020. “Theoretical Conceptualization of Youth Social Participation”. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference “Development strategies of social communities, institutes and territories”. Yekaterinburg,

- Russian Federation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, 27-28 April 2020. Pp. 33-36. [In Russian]
6. Seleznev R. S., Skripak E. I. 2013. "Social networks as a phenomenon of information society and specifics of social connections in its environment". Kemerov State University Herald, no. 2, pp. 125-131. [In Russian]
 7. Sergodeev V. A. 2013. "Network Internet communities: Essence and sociocultural characteristics". The Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional studies: Philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies, no. 1, pp. 132-137. [In Russian]
 8. Strategists Forum. 2019. "Network communities as actors of social innovation and stakeholders of strategic development of cities". Public policy, vol. 3, no. 1-2, pp. 192-215. [In Russian]
 9. Khaykin M. M., Krutik A. B. 2014. "Social capital and social networks". Bulletin of the South Ural State University. Series "economics and management", vol. 8, no. 1, pp. 85-92. [In Russian]
 10. Chernega A. A. 2020. "'The power of local communities': Practices, mechanisms and models of resident's participation in sociocultural development of territories (on the materials of small towns and villages in the Vologda Region)". The Journal of Sociology and Social Anthropology, vol. 23, no. 3, pp. 51-77. [In Russian]
 11. Chulanova Z. K. 2017. "'Smart Community' as a new paradigm for managing socio-economic development". Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Internet Conference "Problems of economic growth and sustainable development of territories". Vologda, Russian Federation, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 16-18 May 2017. Pp. 319-323. [In Russian]